

Новое в деле Зорге: взгляд из России (2017–2022)

А. Е. Куланов, А. Б. Шарова

Аннотация

В связи с истечением сроков засекречивания ряда материалов, имеющих отношение к деятельности советских спецслужб в годы Второй мировой войны, а также по причине высокого общественного интереса конкретно к «делу Зорге» в последние 5 лет военным историком д.и.н. М. А. Алексеевым в научный оборот введено большое количество ранее неизвестных документов, представляющих исключительно высокий интерес для исследователей. В частности, впервые опубликованы материалы, дающие окончательные ответы на вопросы о том, являлся ли Зорге двойным агентом, что послужило истинной причиной провала нелегальной резидентуры советской военной разведки в Японии в 1941 г., а также многие другие важные документальные свидетельства деятельности советских спецслужб в этой стране.

Кроме этого, в свет вышла книга «Другой Зорге. История Исии Ханako», в которой авторы настоящей статьи проанализировали воспоминания японской жены Зорге — Исии Ханako. Ее мемуары дают возможность по-новому взглянуть на личность Рихарда Зорге, на его цели в изучении Японии и подходы к этому вопросу, составить более личное и в то же время объективное представление о его характере. В совокупности с рассекреченным в 2020 г. делом «Особой папки» ЦК КПСС об увековечивании памяти Рихарда Зорге, эти материалы впервые позволяют также в полной мере оценить масштаб усилий Исии Ханako по сохранению памяти о Зорге в Японии в период с 1945 по 1964 гг.

В период 2017–2022 гг. в Японии был опубликован ряд новых материалов, посвященных данному делу и раскрывающих степень информированности по нему не только правительства и правоохранительных органов этой страны, но и лично императора, а также разделение полномочий спецслужб при осуществлении ликвидации резидентуры Зорге.

Ключевые слова: Рихард Зорге, Исии Ханako, советская разведка в Японии.

Авторы:

Куланов Александр Евгеньевич, лаборант-исследователь, Центр японских исследований Института востоковедения РАН (Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

E-mail: kodzin@mail.ru

Шарова Анна Борисовна, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6).

E-mail: anchyk90@yandex.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

New Aspects of “The Case of Richard Sorge”. View From Modern Russia (2017–2022)

A. E. Kulanov, A. B. Sharova

Abstract

Due to the expiration of a number of previously classified materials related to the activities of the Soviet special services during the Second World War, and also due to the especially high public interest to “the case of Richard Sorge” within the last 5 years, a military historian and Doctor of Historical Sciences Mikhail A. Alekseev introduced a large number of previously unknown Russian-language documents on this case into scientific circulation. These documents are of exceptionally high interest to researchers. For example, it is the first time the published materials definitively answer questions on whether Sorge was a double agent, whether he reported to Moscow the exact date of the attack of Nazi Germany on the Soviet Union, and also what the real reason for the failure of the network of Soviet military intelligence in Japan in 1941 was.

Soon after that, the authors of this article for the first time made a complete translation of the memoirs of Ishii Hanako, Sorge’s Japanese wife, which were analyzed in detail and commented on by the authors of the book *Another Sorge*.

The Story of Ishii Hanako. The memoirs of Ishii Hanako give a chance to take a fresh look at Richard Sorge's personality, his goals in studying Japan and his approaches to this issue, to form a more personal and, at the same time, objective picture of his character. Together with the case of the "Special Folder" of the Central Committee of the CPSU on perpetuating the memory of Richard Sorge, declassified in 2020, for the first time in history, these materials allow to fully estimate Ishii Hanako's effort to preserve the memory of Sorge in Japan during the period from 1945 to 1964. By comparing the memoirs, the documents of the Soviet side, and by carrying out the research and analytical work, the authors have reached a new level of understanding of "the case of Richard Sorge".

In addition, a number of new materials devoted to the same case and revealing the level of awareness of not only the government and law enforcement agencies of this country, but also the emperor himself, as well as the division of powers of special services in the liquidation of Sorge's intelligence network were published in Japan within the period of 2017–2022. However, for a number of reasons, in Russia, these documents remain poorly studied.

Key words: Richard Sorge, Ishii Hanako, Soviet intelligence in Japan.

Authors:

Kulanov Aleksandr E., research assistant, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031).
E-mail: kodzin@mail.ru

Sharova Anna B., assistant of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198).

ORCHID: 0000-0003-1072-9041

E-mail: anchyk90@yandex.ru

Conflict of interest

The authors declare the absence of the conflict of interest.

Несмотря на то, что со дня казни (7 ноября 1944 г.) выдающегося советского разведчика, журналиста и востоковеда Рихарда Зорге минуло уже 78 лет, интерес к его делу продолжает сохраняться не только среди многочисленных любителей шпионских саг, но и профессиональных историков. Последние не довольствуются перечитыванием уже известных материалов, а пытаются вести работу в области так называемого «зоргеведения» — многолетних, разной

степени кропотливости, направленности и активности исследований по делу Зорге, открывая всё новые и новые материалы, несмотря на возникающие трудности объективного характера. Так, например, в 2019 г. были опубликованы документы японской полиции относительно изменений в Законе об общественной безопасности, сделанные в мае 1941 г. в ожидании скорой войны, и представляющие несомненный интерес в свете нашей темы [Zoruge jiken shiryō shūsei 2019, p. 32–37]. Не менее важными представляются опубликованные тогда же материалы о докладе министра юстиции Ювамура Митиё по делу Зорге на имя императора Японии от 13 мая 1942 г., в котором четко говорилось о том, что германский журналист Рихард Зорге являлся сотрудником советской военной разведки, а Одзакэ Хоцуми долгое время являлся советником кабинета министров Японии. Однако в сделанном 16 мая того же года заявлении газеты «Асахи» говорилось лишь об аресте неких «разведчиков Коминтерна», а Одзакэ был обозначен как «сотрудник Южно-Маньчжурской железной дороги» [Shōwa Tennō jitsuroku 2019, p. 712]. Все это — очень важные и, видимо, не единственные материалы японской стороны, которые помогут еще лучше разобраться в деле советского разведчика, внесенного в Японии в список 100 людей, повлиявших на историю этой страны в XX веке.

К сожалению, в конце 2019 г. руководство японского Общества изучения дела Одзакэ-Зорге¹ обратилось к своим членам с сообщением о прекращении работы после примерно полувекового существования, выпуска 50 письменных бюллетеней с публикацией докладов на соответствующую тему и проведения 10 симпозиумов в разных странах мира. Причиной самоликвидации был назван возраст большинства организации и, прежде всего, руководства, переваливший в среднем за 75 лет. Решение случайно совпало по времени с начавшейся в мире пандемией ковид-19, и до самого последнего времени не ожидалось никаких перемен в этой области. Однако, 7 ноября 2022 г. в годовщину казни Зорге, в Токио прошел симпозиум возрожденно-го Общества Одзакэ-Зорге, на котором было заявлено, что с новым

¹ В японском дискурсе «дело Зорге» традиционно именуется «делом Одзакэ-Зорге». На первое место ставится изучение судьбы и мировоззрения ближайшего помощника Рихарда Зорге японского журналиста и политолога Одзакэ Хоцуми, что непривычно для российского читателя, но логично для японцев, прежде всего интересующихся изучением биографии своего соотечественника.

обновленным руководством оно намерено вернуться к исследованиям в области «зоргеведения» в полном объеме, включая проведение международных мероприятий, т. ч. с участием российской стороны.

К сожалению, одной из главных проблем «зоргеведения» вообще и японского, в частности, является крайне слабое коммуницирование с иностранными коллегами, что связано и с языковым барьером, и с некоторыми иными сложностями, включая узость круга «зоргеведов». В связи с этим, например, японским исследователям сразу после выхода на Западе стала известна книга британского журналиста Оуэна Мэтьюза «Безупречный шпион» [Matthews 2019], опубликованная на английском языке, но невостребованными остаются большинство публикаций на ту же тему, с завидным постоянством выходящие на русском языке. В итоге может складываться не вполне корректная картина исследований по делу Зорге: в России практически ничего не знают о продвижении в этой деятельности японских коллег, а те, в свою очередь, лишь фрагментарно ознакомлены с российскими работами, и лишь материалы, выходящие на английском языке, становятся общим достоянием.

Кроме того, из-за уже упомянутой узости круга «зоргеведов» и желаний некоторых авторов транслировать свое видение вопроса в зависимости от конъюнктуры, серьезной проблемой на протяжении десятилетий остается активное мифотворчество при освещении биографии Зорге. Так, в опубликованной в Японии в марте 2021 г. статье известного советолога, профессора университета Такусёку Нагоси Кэнро под названием «Бюсты Зорге воздвигают один за другим. Администрация Путина стремится восстановить честь великого шпиона»² совершенно серьезно сообщалось о том, что в России сегодня наблюдается настоящий бум Зорге, и российские власти якобы используют это в качестве инструмента пропаганды в противостоянии с оппозицией. В качестве основного довода для такого умозаключения профессор Нагоси использовал обилие бюстов Зорге в России (авторам настоящей статьи удалось насчитать семь таковых по всей стране, причем, как минимум, два из них открыты на внутришкольных территориях) и присвоение в 2016 г. имени Зорге недавно открытой станции Московского центрального кольца железной дороги. Там

² Nagoshi Kenro. Zoruge no kyōzō o zokuzoku to konryū ano ōmono supai no meiyō kaifuku o isogu pūchin seiken no omowaku. 12.03.2021. *President online*. <https://president.jp/articles/-/44047?page=1>

же, где доводов для обоснования вывода явно не хватало, японский автор, которого недостаточно глубоко знакомый с темой читатель может принять за серьезного исследователя, с легкостью их выдумал, приписывая, в частности, одному из авторов настоящей статьи высказывания и цитаты, которые ему не принадлежат. Например, «Куланов [в книге “Зорге. Неудобный”] пишет о том, что Зорге “подвергал жестокой критике вредную и безответственную систему управления в советской разведке”» или «Александр Куланов... сказал на “круглом столе“ на российском канале “Культура” в прошлом году: “В России... секретные документы о Зорге раскрываются один за другим, и его популярность стремительно растет”». Достаточно прочитать книгу, на которую ссылается Нагоси [Куланов 2018], и пересмотреть передачу, доступную в интернете³, чтобы убедиться, что эти слова — выдумка японского автора.

Подобного рода публикации выглядят особенно печально в связи с тем, что в последние пять лет в России появилось значительное количество новых материалов, в том числе вводящих в научный оборот множество важных, ранее неизвестных документов. Значительная их часть ранее хранилась под грифами разной степени секретности. Теперь они находятся в свободном доступе, что само по себе опровергает любимый многими авторами тезис о том, что в деле Зорге слишком много документов засекречено, и это не дает возможность объективно подойти к его изучению. В действительности же проблема заключается не в отсутствии документов — опубликованных уже достаточно для того, чтобы реконструировать большую часть его судьбы и особенности работы Зорге (в качестве и журналиста, и разведчика), а в нежелании эти документы изучать. Следует отметить, что наиболее значительный вклад в публикацию ранее неизвестных материалов по делу Зорге в последние пять лет внес историк военной разведки, доктор исторических наук, профессор М. А. Алексеев.

Работы М. А. Алексеева

После выхода в 2010 г. книги «“Ваш Рамзай“. Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933 гг.» [Алексеев 2010], с неожиданной полнотой раскрывающей до той поры неизвестные

³ Наблюдатель. Рихард Зорге. Новая шпиономания. Эфир 11.11.2020. <https://www.youtube.com/watch?v=D2VaXBe1NFs>

и неизученные страницы биографии Зорге, относящиеся к его работе в шанхайской нелегальной резидентуре IV Управления Штаба РККА, М. А. Алексеевым были выпущены еще две книги, продолжающие, развивающие и углубляющие его предыдущее исследование. В 2017 г. были опубликованы два тома о японском периоде работы разведчика: «“Верный Вам Рамзай“». Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1933-1938 годы» [Алексеев 2017a] и «“Верный Вам Рамзай“». Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939–1941 годы» [Алексеев 2017b].

Первый том содержит 863 страницы, в т. ч. 670 ссылок, несколько десятков биографических справок на сотрудников разведки и японоведов, имена и судьбы многих из которых ранее не были известны вообще или известны лишь фрагментарно. Фактически, даже только справочный раздел открывает неизвестную доселе страницу советского военного японоведения, и не только военного. Например, работавший в послевоенный период в Институте востоковедения АН СССР доктор исторических наук выдающийся японовед В. М. Константинов до сих пор был известен прежде всего как переводчик и исследователь материалов, посвященных путешествию Дайкокуя Кодаю в Россию. Теперь же мы располагаем сведениями и о его деятельности в качестве военного разведчика и одного из кураторов группы Зорге, что позволяет надеяться в будущем более полно восстановить биографию замечательного востоковеда.

Второй том, освещающий события последнего и наиболее напряженного этапа работы резидентуры «Рамзая»–«Инсона» в Токио в 1939–1941 гг., включает еще 687 страниц, в т. ч. 925 ссылок на документы, среди которых значительный объем занимают материалы, посвященные репрессиям в органах военной разведки и в РККА в целом, включая многостраничные протоколы допросов, дающие достаточно полную и внятную картину тяжелой обстановки, царившей тогда в советских спецслужбах и конкретно на японском направлении. В том числе, эти документы позволяют ясно понять один из самых сложных и непрерывно обсуждаемых моментов в биографии Зорге: отношения к нему и его донесениям из Токио со стороны советского военного руководства — от непосредственных кураторов в Разведупре до наркома обороны и Верховного Главнокомандующего — И. В. Сталина.

Опубликованные М. А. Алексеевым документы снимают многие спорные ранее вопросы. Широко распространена, например, вер-

сия о том, что, присвоив в мае 1941 г. токийскому резиденту новый позывной — «Инсон» на смену «Рамзай», под которым Зорге работал с 1930 г., Москва стремилась показать изменение своего отношения к агенту и передаваемой им информации [Георгиев 2000, с. 73]. Однако документы свидетельствуют, что в апреле-июне 1941 г. 5-е Управление Красной армии (так в тот период называлась военная разведка) проводило очередную масштабную организационную реформу. В ее ходе были сменены едва ли не все рабочие псевдонимы легальных и нелегальных разведчиков за рубежом. Все разведчики в Токио получили новые псевдонимы, начинающиеся на «И». Так, военный атташе Советского Союза в Японии, возглавлявший легальную резидентуру 5-го Управления, полковник И. В. Гущенко стал «Икаром», радист нелегальной резидентуры Макс Клаузен из «Фрица» превратился в «Изопа», основной японский источник Зорге — Одзакки Хоцуми был переименован из «Отто» в «Инвеста», а сам «Рамзай» стал «Инсоном» [Алексеев 2017б, с. 387].

Чрезвычайно высокая насыщенность документами всего трехтомника М. А. Алексеева делают эту публикацию не только самой полной, но и самой важной работой о Зорге. Причем под документами имеются в виду не только многочисленные телеграммы и шифрограммы из Москвы в Шанхай и Токио и обратно, часть из которых была опубликована прежде, но и целые пласты материалов, ранее вообще неизвестных исследователям. Так, например, в значительной мере в книгах раскрывается финансовое обеспечение резидентур Зорге в Китае и Японии. Это важно не только само по себе, но и позволяет проследить динамику отношения Центра к «Рамзаю», ибо каждое колебание этого отношения — от недоверия к расположению и обратно — немедленно отражалось в денежном эквиваленте. Если Зорге верили, то он и его резидентура получали финансирование в запрашиваемых объемах (что происходило крайне редко), если нет — поток наличности немедленно сокращался, заставляя разведчиков буквально изыскивать средства существования. Учитывая же, что в трехтомнике приведены документы не только эпохи работы Зорге на военную разведку, но и частично времен его службы в Коминтерне, в т. ч. в Отделе международных связей (фактически, всемирной коммунистической разведке), а там в отношении финансирования существовали точно такие же правила, то становится понятно, насколько сложно приходилось нашим разведчикам, если им по

какой-то причине не верили в Центре. Это в свою очередь приводило к некачественной работе некоторых резидентов, готовых сообщать любую информацию, включая просто выдуманную ими, лишь бы это устраивало Москву.

Одним из главных достоинств книги М. А. Алексева является также возможность проследить особенности отношения к Зорге и его работе в Японии со стороны руководства советской военной разведки, вызванные сталинскими репрессиями 1937–1941 гг. М. А. Алексеев приводит не только материалы того периода, позволяющие наблюдать изменение этого отношения после каждой волны арестов в разведке, но коррелировать эти события со значительно более поздними (середины 1960-х гг.) показаниями тех, кто выжил во время чисток. Таким образом, создается значительно более объективное представление о происходивших вокруг деятельности нелегальной токийской резидентуры событиях.

С данной темой непосредственно связаны еще два вопроса, которые постоянно муссируются в связи с «делом Зорге»:

1. Являлся ли «Рамзай» двойным шпионом, работающим не только на СССР, но и на Германию?

2. Почему провалилась резидентура Зорге, и кто в этом виноват?

Давая ответ на первый вопрос, автор представляет множество документов, самыми важными из которых являются две шифрограммы, направленные в адрес Зорге заместителем начальника военной разведки А. Х. Артузовым 25 июля 1936 г. Вот отрывки из них: «И Кота, и друзей [военный атташе посольства Германии в Японии полковник Ойген Отт и сотрудники посольства — А. К, А. Ш.] Вы и Густав [разведчик Гюнтер Штайн, работавший в тот период с Зорге — А. К., А. Ш.] можете снабжать всевозможными статьями и прогнозами касательно положения в Ваших краях. И чем добросовестнее и аккуратнее Вы будете это делать, тем прочнее Вы свяжетесь с ними. Не дублируйте только полностью работы. А то может случиться, что Кот поделится с друзьями и обнаружится, что “ласковый теленок двух маток сосет”. Могут получиться неприятные осложнения» [Алексеев 2017а, с. 433]. И в тот же день во втором письме: «Помните, что самой основной Вашей задачей продолжает оставаться — сохранение и укрепление исключительных отношений, созданных Вами с Котом, наиболее глубокое вращение в немецкие круги, которые в моменты наиболее тяжелой обстановки окажутся Вашими единственными

источниками информации исключительной важности и обеспечат в то же время наиболее надежную для Вас крышу. Эту важнейшую и решающую задачу Вы всегда должны иметь перед собой» [Алексеев 2017а, с. 435]. Весь абзац в письме был подчеркнут самим А. Х. Артузовым.

Таким образом, руководство советской военной разведки дальновидно настаивало на глубоком внедрении Зорге в круги германского посольства в Токио в качестве специалиста по вопросам, связанным с политикой, экономикой и даже, как мы увидим далее, культурой Японии. При этом важно иметь в виду не только предостережение Артузова о необходимости делиться с немцами информацией крайне аккуратно, но и понимание того факта, что никаких интересных сведений секретного характера о Советском Союзе Зорге в Берлин передать не мог, даже если бы вдруг захотел — он такими сведениями просто не обладал. Когда же в ходе репрессий и Артузов, и другие его коллеги были арестованы, им предъявили бездоказательные обвинения в шпионаже (в том числе, в пользу Германии), и под пытками они назвали в числе своих «сообщников» практически всех известных им коллег, включая резидента в Токио — «Рамзая». Это стало официальным поводом для обвинения Зорге в работе на германскую разведку, которое, к сожалению, муссируется неосведомленными авторами по сей день.

Что касается второго вопроса — о причинах провала резидентуры Зорге в Токио и установлении виновных в этом, то М. А. Алексеев также приводит много ранее неизвестных документов. Они свидетельствуют, что основой для взятия советских разведчиков под жесткий контрразведывательный контроль со стороны японских спецслужб послужил вывод Зорге и Клаузена в декабре 1939 г. на прямую связь с сотрудниками легальной резидентуры, т. е. военного атташата полпредства СССР в Японии. За последними изначально было установлено непрерывное наружное наблюдение со стороны целого набора японских спецслужб: военной жандармерии кэмпейтай, полиции, иностранного отдела МВД Японии. Алексеев приводит в связи с этим мнение генерал-лейтенанта Службы внешней разведки РФ в отставке С. А. Кондрашова, в 1964 г. явившегося одним из авторов секретного тогда документа — Заключения по архивным материалам в отношении Рихарда Зорге: «Основной причиной провала резидентуры Р. Зорге явилась безответственная и порочная система руководства

резидентуры со стороны бывшего командования Разведуправления РККА, вытекавшая из сложившейся в период культа личности необоснованной оценки Зорге как японо-германского шпиона и дезинформатора» [Алексеев 2017а, с. 594].

Таким образом, следует особо отметить работы М. А. Алексева, которые можно считать основой для развития «зоргеведения» не только на сегодняшний день, но и на долгие годы вперед, поскольку в них сосредоточен огромный массив информации, в том числе ранее неизвестной и рассекреченной специально для указанных публикаций.

«Другой Зорге» Исии Ханako и материалы РГАНИ

В 2020 г. МИД РФ официально объявил о переуступке прав на могилу Рихарда Зорге на токийском кладбище Тама посольству Российской Федерации в Японии. Ранее эти права принадлежали наследницам племянницы Исии Ханako, которую в отечественной прессе принято было называть «японской женой Зорге». В то же время ее роль в биографии знаменитого разведчика либо игнорировалась вообще, либо, что особенно характерно для западных, а в последние годы и для некоторых российских авторов, ей приписывались не имеющие никакой связи с реальностью поступки, включая отношения с японской полицией. Существовавшая двойственная ситуация в отношении к Исии Ханako выглядела тем более странно, что захоронение Зорге в Тама было устроено исключительно по ее инициативе и ее личными усилиями в 1949 г. (напомним, что в СССР Зорге признан советским разведчиком лишь в 1964 г.), и в том же склепе захоронены останки самой Исии, скончавшейся в июле 2000 г. Таким образом, российское посольство получило права не только на захоронение Рихарда Зорге, но и на ее могилу, и теперь официально будет ухаживать и за ней. Возможно ли было бы такое, если бы эта японская женщина действительно была бы виновницей в гибели советской резидентуры? Конечно, в истории случается всякое, но думается, что упоминавшаяся выше работа М. А. Алексева полностью снимает с Исии все обвинения. Удивительным тем не менее остается замалчивание ее роли в «Деле Зорге-Одзаки».

Особенно странной сложившаяся ситуация выглядит в связи с тем, что начиная с августа 1964 г. Исии дала десятки интервью советским,

а затем российским средствам массовой информации, в которых весьма подробно, со свойственными ее характеру прямоотой и откровенностью рассказывала и о Зорге, и о себе, и о событиях, которые свели их вместе. До этого времени, в период с 1949 по 1964 г., она была не менее активна и в общении с японской прессой, а в случае возникновения интереса к теме, и с представителями СМИ других стран. Более того, Исии Ханako написала три небольшие книги воспоминаний о деле Зорге и своей судьбе. Они объединены в итоге в общее издание под названием «Нингэн Дзоругэ», что можно перевести как «Зорге как человек». Последняя публикация трехтомника состоялась в 2003 г. [Ishii 2003, p. 364], что, вероятно, было связано с выходом на японские экраны двухсерийного художественного фильма режиссера Синода Масахиро «Шпион Зорге». Однако книга Исии никогда не переводилась с японского на какой-либо иной язык, хотя попытки перевода ее отдельных небольших фрагментов предпринимались.

Сама Исии Ханako при жизни надеялась, что ее мемуары будут переведены на английский, немецкий и — обязательно — на русский языки, и рассматривала русский перевод как дань памяти Рихарду Зорге, родившемуся в Российской империи и служившему Советскому Союзу. Это желание так и не исполнилось при ее жизни, а затем оказалось поздно: наследницы Исии не предоставили разрешения на публикацию рукописи в полном объеме. Тем не менее, авторами настоящей статьи недавно был выполнен полный перевод книги Исии Ханako и произведена его обработка. В результате в 2021 г. московское издательство «Молодая гвардия», где неоднократно выходили работы отечественных авторов о Зорге, включая неоднократные публикации его биографии в серии «Жизнь замечательных людей», как дань памяти выпустило новую книгу под названием «Другой Зорге. История Исии Ханako» [Делоне, Куланов 2021]. В ней выделяются несколько блоков вопросов.

Обращение к мемуарам Исии Ханako дало возможность глубже понять многие аспекты, связанные не только с сугубо личным отношением японской женщины к своему возлюбленному (что, безусловно, само по себе представляет интерес), но и восстановить общую картину работы и приватной жизни разведчика в Японии в 1936–1941 гг. (Рихард и Ханako познакомились и расстались навсегда в один день — 4 октября, в день рождения Зорге, но с разницей в 5 лет). Стали ясны некоторые, в том числе глубоко личные, аспекты их взаимоотноше-

ний, по неизвестной причине до сих пор замалчиваемые авторами произведений о Зорге. Следует учитывать, например, работу Ханако в качестве хостес. Понимание специфики этой японской профессии многое объясняет в отношениях этой женщины с Зорге, но только на первый взгляд они выглядят связью обычной хостес с обычным клиентом. Важность мемуаров Исии Ханако заключается, в том числе, в возможности проследить динамику этих отношений, со временем превращающихся из, если так можно выразиться, деловых, в настоящую романтическую связь, а затем в искреннюю и чистую любовь.

Ханако рассказывает о скрытом от посторонних глаз образе жизни человека, которого она до последнего момента искренне принимала за немецкого журналиста. Некоторые отрывки из этой части книги переводились и ранее — например, описание дома Зорге или типичного распорядка его рабочего дня [Георгиев 2000, с. 111], но никогда — полностью. Предпринимались отдельные попытки и воспроизвести на русском языке общение Рихарда и Ханако на японском⁴. При этом текст перевода подвергался значительной литературной обработке, что создавало совершенно неверное представление о блестящем владении Зорге японским языком, а, значит, о его рабочих возможностях как журналиста и разведчика⁵. В реальности же японский язык Зорге был далек от совершенства. Так, для пожилой горничной Зорге смысл его диалогов с Ханако оставался зачастую непонятен.

Своеобразное отношение Зорге к японскому языку, которое, пожалуй, можно назвать небрежным (Ханако пишет, что, достигнув определенного уровня, Рихард полностью потерял интерес к его изучению), резко контрастирует с интересом Зорге к Японии вообще. Не только к политике и экономике, что естественно, учитывая род его занятий, но и к истории и культуре этой страны.

Широко известно, что после ареста в доме Зорге обнаружили от 800 до 1000 книг — в основном, на европейских языках о Японии. Исии Ханако вспоминала, что испытала настоящее замешательство, когда Зорге спросил ее, читала ли она «Кодзики» («Записи о деяниях древности», произведение VIII в.), и принялся расхваливать роман «Гэндзи моногатари» («Повесть о Гэндзи», XI в.), о существовании

⁴ Овчинников В.В. Чем Рихард Зорге притягивал людей. *Российская газета*. 13.07.2007. <https://rg.ru/2007/07/13/zorge.html>.

⁵ Климов Д. «Разведчик Зорге» гонится за «матрицей». *BBC*. http://news.bbc.co.uk/1/russian/life/newsid_3007000/3007540.stm.

которого девушка на тот момент не имела ни малейшего понятия [Ishii 2003, p. 26]. Примерно такая же ситуация складывалась и в отношении знакомства Зорге с японской изобразительной культурой: «Когда у Зорге находилось свободное время, и он был дома, он читал, рассматривал коллекции укиё-э, открывал энциклопедию по истории японской культуры, занимался даже изучением музыки гагаку» [Ishii 2003, p. 74]. Это может показаться незначительным штрихом к личности японоведа-любителя, но, если вдуматься, он является чрезвычайно важным для понимания особенностей разведывательной работы Зорге. Дело в том, что большую часть периода командировки «Рамзая» в Токио (с 1933 по 1938 гг.) немецкую дипломатическую миссию в Японии возглавлял посол Герберт фон Дирксен — поклонник и блестящий знаток японского традиционного искусства, говоривший, что «по-настоящему утонченное или, иначе говоря, “сдержанное”, классическое искусство Японии приходилось усиленно изучать, совмещая эту страсть с привязанностью к самой стране» [Дирксен 2001, с. 127]. У себя на родине фон Дирксен завоевал признание востоковедов и был избран президентом германского *Общества восточно-азиатского искусства*, а Зорге оказался одним из немногих людей, кто мог поговорить с ним об этом искусстве едва ли не на равных, что позволяло советскому разведчику упрочивать позиции в посольстве, выполнять указания Центра.

Воспоминания Исии Ханako были написаны без оглядки на исторические события и обстановку тех лет. Так, мимолетное упоминание Ханako о полете Зорге в Маньчжурию в мае 1939 г. — как раз в начале советско-японского конфликта на реке Халхин-Гол и о привезенных оттуда безделушках, вкуче с упоминанием о личном знакомстве с женой Чан Кайши, позволяет восстановить еще одну малоизвестную страницу работы Зорге в Китае, и таких примеров в книге множество.

Особенно интересным представляется сопоставление дат воспоминаний с известными нам фрагментами рабочей переписки Центра и «Рамзая». Читая, например, в воспоминаниях о единственном совместном отпуске, всего в несколько дней продолжительностью, который Рихард и Ханako провели вместе в курортном городке Атами в конце 1936 г., мы узнаем, что их поездка туда 12 декабря был внезапной. Для Ханako причины внезапности так и остались неизвестны, но мы, исходя из переписки Зорге с Москвой, можем с высокой степенью вероятности предполагать, что таким образом он отмечал окончание

чрезвычайно важной разведывательной операции по информированию Москвы о шагах Японии и Германии к заключению Антикоминтерновского пакта, подписанного 25 ноября. Начальник военной разведки С. П. Урицкий представил тогда Зорге и Клаузена к награждению орденами (руководство страны эту инициативу не поддержало), а Зорге устроил себе отпуск — единственный за 6 лет [Делоне, Куланов 2021, с. 75, 81–82].

Несмотря на то, что в различных изданиях процедура приведения в исполнение смертного приговора для Зорге и Одзаки уже неоднократно описана, благодаря рассказу Ханako о встрече со свидетелем казни — бывшим прокурором Токийского городского суда Юда Тамон, раскрывается причина выбора дня казни Зорге — 7 ноября 1944 г. По поводу того, почему был выбран именно этот день, также высказано немало версий, но вот что засвидетельствовал участник событий:

«— 7 ноября — это день Октябрьской революции, он специально был выбран? — решила уточнить я сведения, прежде прочитанные мной в интервью с Юда.

— Будет неправдой сказать, что никакого умысла в этом не было. Мы подумали, что действительно этот день подходит для того, чтобы стать последним в его жизни, поэтому выбор этой даты, возможно, нес еще значение своего рода сострадания к Пути война. Ну и кроме того, казнь необходимо было привести в исполнение в течение пяти дней, и так как 8 число оказывалось последним, то решили это сделать 7 числа. Более того, воздушные налеты к тому времени стали очень мощными, и существовало опасение, что в случае отсрочки мы не сможем привести казнь в исполнение, — случайно выболтав истинное положение дел на тот момент, он добавил:

— В тот день, как и сегодня, стояла хорошая погода, и помню, в тот вечер тоже был воздушный налет» [Делоне, Куланов 2021, с. 336].

Важная оговорка Юда относительно необходимости проведения казни в течение 5 дней свидетельствует о том, что окончательное решение было принято 2 или 3 ноября 1944 г. Это означает крах популярной версии о том, что еще 6 ноября Япония пыталась вести переговоры с Советским Союзом об обмене Зорге⁶. Судьба разведчика

⁶ Рощупкин В. Неизвестный Зорге — часть III. *Военно-промышленный курьер*. <https://vpk-news.ru/articles/50562>

к тому времени уже была решена, и японцы ждали только дня без американских бомбежек, чтобы поскорее повесить Одзаки и Зорге.

Наконец, чрезвычайно важным в связи с распространяющимися в социальных сетях фейковыми сообщениями о том, что прах казненного Зорге нашли американские разведчики (!) и с воинскими почестями (!) перезахоронили на кладбище Тама, представляется подробнейший, с упоминанием мельчайших деталей, рассказ самой Исии Ханako о том, как она добивалась права узнать, где был похоронен Зорге после казни. Она подробно пишет, как настойчиво мешали ей японские власти и представители американского оккупационного командования в проведении эксгумации, и как счастливый случай в лице зрителя кладбища Дзосигая в последний момент помог ей найти захоронение возлюбленного — задержись она еще немного, и его прах был бы развеян по ветру. Останки Зорге, извлеченные из общей могилы 16 ноября 1949 г. и перенесенные в ящик, «напоминающий ящик для фруктов», были кремированы Исии в тот же день, но перезахоронить прах было негде, и первую ночь Ханako провела в обнимку с нагревшейся от только что сожженного праха урной. Еще год ушел у Исии Ханako на то, чтобы продажей в журналы воспоминаний о Зорге заработать на место для его могилы, и только 8 ноября 1950 г. он обрел вечный покой на кладбище Тама.

Изучение воспоминаний Исии Ханako позволяет раскрыть личности многих людей, которых она в своей книге упоминает лишь вскользь, иногда даже не догадываясь об их истинной роли в этой истории. Такова, например, ситуация с Каваи Тэйкити — бывшим субагентом резидентуры, работавшим на Одзаки Хоцуми в Маньчжурии под псевдонимом «Ронин». Каваи арестовывался японской полицией еще в 1930-е гг. в Китае, но сумел увести обвинение в сторону от советской разведки, получил небольшой срок и вторично попал в тюрьму уже во время провала группы в Японии. Несмотря на то, что он героически выдержал все эти злоключения, уже после войны Каваи был завербован американской разведкой и в том числе осуществлял наблюдение за Исии Ханako (о чем та, конечно, понятия не имела) в связи с ее обширными связями в левом движении Японии и попытками установить контакт с советскими властями.

Неоднократные попытки Исии убедить советских представителей обратить внимание на «дело Зорге», к тому времени широко известное в Японии, да и во всем мире (Ханako вспоминает о статьях, кни-

гах и даже художественном фильме, уже снятом о Зорге к тому времени) долгое время не приводили к успеху. Лишь спустя 20 лет после казни, в связи с тем, что вышел в свет новый фильм о Зорге, СССР согласился признать Зорге своим разведчиком, и одной из первых об этом узнала Исии Ханako. О том, как и почему это произошло, становится понятно из недавно рассекреченного дела из «Особой папки» ЦК КПСС.

Материалы РГАНИ

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) рассекретил «Дело №34-А/2-б/7 Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (ГРУ ГШ ВС СССР) — о Р. Зорге», хранившееся в так называемой «Особой папке ЦК КПСС»⁷. Дело содержит значительный массив документов по истории признания подвига Рихарда Зорге в СССР — начиная с записки, направленной в ЦК главным редактором газеты «Правда» П. А. Сатюковым 1 октября 1964 г.⁸ о готовности опубликовать очерк «Товарищ Рихард Зорге», подготовленный обозревателем газеты В. В. Маевским. Из мемуаров же Исии Ханako мы узнаем и о состоявшейся перед этим ее встрече с Маевским и их совместной, вместе с корреспондентом «Правды» в Токио В. В. Овчинниковым, поездки на кладбище Тама — это было первое официальное посещение могилы Зорге советскими гражданами. Из текста записки непонятно, когда точно и у кого именно родилась идея о признании подвига Зорге, но Сатюков упоминает, что «фактическая сторона этого вопроса проверена работниками КГБ. Товарищ Семичастный [в то время председатель КГБ при СМ СССР — А. К., А. Ш.] считает целесообразным опубликование материала, особенно в связи с тем, что в ближайшее время на экраны советских кинотеатров выйдет французский фильм о Зорге».

Из дела понятно также, что записке Сатюкова предшествовал сбор материалов не только по линии КГБ: 12 сентября 1964 г. Отдел административных органов и Международный отдел ЦК поддержали «предложение Министерства обороны СССР»⁹. Судя по всему, речь

⁷ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47.

⁸ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 1.

⁹ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 17.

идет о направленном 10 сентября в адрес секретаря ЦК Л. И. Брежнев, Председателя Комитета партийно-государственного контроля А. Н. Шелепина, Председателя КГБ В. Е. Семичастного и начальника ГРУ П. И. Ивашутина справки Министерства обороны (не рассекречена) и письма бывшего начальника ГРУ маршала Советского Союза Ф. И. Голикова¹⁰. Последний уже тогда предлагал «ускорить написание книги для массового читателя о советской военной разведке», очевидно, используя дело Зорге в качестве удобного повода и основы для публикации, а также «рассмотреть вопрос-предложение о переносе праха Рихарда Зорге в Москву с надлежащими почестями и с установлением памятника на его могиле». Таким образом, появившаяся в российских СМИ зимой 2021–2022 гг. новость о возможном переносе праха Зорге из Японии в Россию и комментарий МИД РФ по этому поводу¹¹ не являются новой идеей.

Что же касается самой справки, то она подписана Министром обороны СССР маршалом Р. Я. Малиновским и, помимо краткого изложения сути подвига Зорге, содержит два интересных пункта¹². Во-первых, это уже тогда задокументированное определение причин провала группы: «...главным образом, вследствие неправильно установленных связей с работниками Советского легального аппарата в Японии», из чего, впрочем, может сложиться неверное представление о том, что инициатива установления таких связей исходила от самого Зорге. Упомянувшиеся выше исследования М. А. Алексева опровергают такой взгляд. Во-вторых, среди предложений Малиновского значились присвоение Зорге звания Героя Советского Союза, сооружение ему памятника в Москве и присвоение одной из улиц его имени, а также оказание материальной помощи родным и близким разведчика, «оставшимся в живых».

Предложение Голикова о переносе могилы принято не было. ЦК сосредоточился на проблеме награждения самого Зорге и его ближайших сподвижников, что оказалось не самой простой задачей. Только

¹⁰ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 3, 4.

¹¹ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 26 января 2022 г. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1795942/

¹² РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 21-22.

формулировка о присвоении Зорге звания Героя Советского Союза пересматривалась трижды. Вот эти варианты:

1. «...за образцовое выполнение специальных заданий в интересах защиты Советского государства и дела социализма, за заслуги в борьбе с фашизмом и угрозой войны и проявленные при этом самоотверженность, стойкость и мужество» — сентябрь 1964 г.¹³;

2. «... за героизм и мужество, проявленные в интересах защиты Советского государства, великого дела социализма и мира» — сентябрь 1964 г.¹⁴;

3. «За активную и успешную разведывательную деятельность накануне и в период Великой Отечественной войны и проявленные при этом мужество и геройство...» — сентябрь 1964 г.¹⁵

4. «За выдающиеся заслуги перед Родиной и проявленные при этом мужество и геройство...» — 5 ноября 1964 г.¹⁶

Интересно, что Исии Ханako, не подзревавшая до осени 1941 г. об истинной цели пребывания Зорге в Японии, никогда — ни в годы войны, ни позже — не соотносила его деятельность с нанесением какого-либо вреда самой Японии. Не раз беседовавшая с ним о политике, она точно знала, что Зорге любил, знал и понимал Японию, искренне восхищался ее историей и культурой, осознавая, что страна переживает, возможно, самый кризисный период за время своего существования. Исии Ханako была убеждена, что главной целью всей жизни Зорге была борьба не против Японии, а за мир, и Токио стал лишь «полем битвы» в этом сражении. Узнав после ареста Зорге, что ее возлюбленный — советский разведчик, она сама для себя определяла смысл его нахождения в Японии практически точно так же, как это было сделано почти четверть века спустя в Москве, во втором варианте формулировки награждения Зорге: «защита Советского государства, великого дела социализма и мира».

В итоге, однако, принята была последняя формулировка, а 14 января 1965 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, часть протокола которого под грифом «СТРОГО СЕКРЕТНО. ОСОБАЯ ПАПКА» была подшита в цитируемое дело. В нем было засекречено решение об оказании единовременной денежной помощи

¹³ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 16.

¹⁴ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 20, 24.

¹⁵ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 37.

¹⁶ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 14, 15.

семье агента Зорге — серба Бранко Вукелича на сумму 10 тысяч рублей, и «японской гражданке Исии Ханako» — 5 тысяч рублей. По тем временам это были серьезные средства, на которые можно было купить две или одну (соответственно) автомашину «Волга». Секретным протоколом Президиума ЦК КПСС от 27 марта 1965 г. определялся тайный способ передачи денег для Исии. Эквивалент 5 тысячам рублей составил 1.991.388 иен и «по соображениям конспирации» был вручен ей через «представителей Советского комитета ветеранов войны и друзей тов. Рихарда Зорге» в качестве компенсации за организацию захоронения останков разведчика и установку памятника на его могиле в Токио¹⁷.

Но главное, конечно заключалось не в сумме помощи и способах ее передачи, а в том, что зимой 1965 г. Исии Ханako фактически была признана выжившим членом семьи Зорге. 7 апреля того же года было принято решение о приглашении Исии Ханako в Советский Союз на лечение (она страдала застарелой формой туберкулеза с многочисленными осложнениями) с отнесением расходов на счет Министерства обороны СССР¹⁸.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что период 2017–2022 гг. стал временем новых важных открытий в деле Зорге, как минимум, с российской стороны. Рассекречен огромный массив информации, основывающийся на материалах архивов Министерства обороны РФ и Российского государственного архива новейшей истории. Это позволило устранить многие имевшиеся ранее лакуны в деле Зорге и взглянуть на это дело всесторонне и значительно более объективно и широко. Этой же цели послужил и анализ воспоминаний о Зорге его «японской жены» Исии Ханako. Ее работа, изначально казавшаяся субъективной и глубоко личной, при проекции на исторический фон и новые полученные сведения о деле Зорге, оказалась чрезвычайно важной для понимания системы работы Зорге как разведчика, принципов его внедрения в германское посольство и глубины изучения Японии. Если ранее, на основе служебных документов, воспоминаний коллег Зорге, его собственных «Тюремных записок» и других материалов мы видели

¹⁷ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 44.

¹⁸ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 43.

результат работы разведчика, то теперь в нашем распоряжении имеется взгляд изнутри на то, как он готовился к этой деятельности и как жил в Японии, и это поистине «Другой Зорге».

Библиографический список

Алексеев М. А. (2010) *“Ваш Рамзай”*. Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933 гг. — Москва: Кучково поле.

Алексеев М. А. (2017a) *“Верный Вам Рамзай”*. Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1933–1938 годы. — Москва: Кучково поле.

Алексеев М. А. (2017b) *“Верный Вам Рамзай”*. Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939–1941 годы. — Москва: Кучково поле.

Георгиев Ю. В. (2000) *Рихард Зорге: исследователь, разведчик, геополитик*. — Москва: Япония сегодня.

Делоне А. Б., Куланов А. Е. (2021) *Другой Зорге. История Исии Ханакко*. — Москва: Молодая гвардия.

Дирксен Г. (2001) *Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики*. — Москва: ОЛМА-ПРЕСС.

Куланов А. Е. (2018) *Зорге. Неудобный*. — Москва: Молодая гвардия.

References

Alekseyev, M. A. (2010). *“Vash Ramzai”*. *Rikhard Zorge i sovetskaya voyennaya razvedka v Kitaye. 1930–1933 gg.* [“Your Ramsay.” Richard Sorge and Soviet Military Intelligence in China. 1930–1933]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Alekseyev, M. A. (2017a). *“Vernyi Vam Ramzay”*. *Rikhard Zorge i sovetskaya voyennaya razvedka v Yaponii. 1933–1938 gody.* [“Loyal to You, Ramsay.” Richard Sorge and Soviet Military Intelligence in Japan. 1933–1938]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Alekseyev, M. A. (2017b). *“Vernyy Vam Ramzay”*. *Rikhard Zorge i sovetskaya voyennaya razvedka v Yaponii. 1939–1941 gody* [“Loyal to You, Ramsay.” Richard Sorge and Soviet Military Intelligence in Japan. 1939–1941]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Delone, A. B., Kulanov, A. E. (2021). *Drugoi Zorge. Istoriya Isii Khanako* [Another Sorge. History of Ishii Hanako]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Dirksen, G. (2001). *Moskva, Tokio, London. Dvadtsat' let germanskoi vneshnei politiki* [Moscow, Tokyo, London: Twenty Years of German Foreign Policy]. Moscow: Olma-press. (In Russian).

Ishii, Hanako. (2003). *Ningen Zoruge* [Human Sorge]. Tokyo: Kadokawa publishing. (In Japanese).

Georgiyev, Yu. V. (2000). *Rikhard Zorge: issledovatel', razvedchik, geopolitik* [Richard Sorge: Researcher, Spy, Geopolitician]. Moscow: Yaponiya segodnya. (In Russian).

Kulanov, A. E. (2018). *Zorge. Neudobnyi* [Sorge. A Discordant Spy]. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Matthews O. (2019). *An Impeccable Spy: Richard Sorge, Stalin's Master Agent*. UK: Bloomsbury Publishing.

Shōwa Tennō jitsuroku. (2019). [Showa Emperor Hirohito Fact Record]. Vol. 8. Tokyo: Imperial Household Agency. (In Japanese).

Zoruge jiken shiryō shūsei: Ota Taiizō kankei bunsho. (2019). [Collection of Historical Materials on the Zorge Case: Documents Related to Ota Resistance]. Vol. 1. Tokyo: Fuji shuppan. (In Japanese).